

Каутский Карл

**Платоновский и древне-
христианский коммунизм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл К.**
Платоновский и древне-христианский коммунизм / Каутский Карл – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 79 с.

ISBN 978-5-519-88669-7

ISBN 978-5-519-88669-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

частной собственности, она теряет также одно за другимъ и ограниченія, которыя становятся для нея все болѣе и болѣе тягостными.

Изъ чисто личной собственности, которая послѣ смерти своего владѣльца уничтожалась или переходила къ обществу, она становится собственностью, наследуемой другими лицами.

Первоначальное равенство исчезло, частная собственность стала общественной силой, общество раскололось на собственниковъ, которые господствовали, и лишенныхъ собственности, находившихся въ зависимости; пріобрѣтеніе частной собственности стало общественной необходимостью. Появленіе денегъ превратило, наконецъ, стремленіе къ пріобрѣтенію въ неутолимую жажду.

Надобность въ предметахъ потребленія постоянно ограничена. Пока богатство состоитъ только изъ предметовъ потребленія, никто не желаетъ ихъ больше, чѣмъ необходимо для удобной и пріятной жизни. Денегъ же никогда не бываетъ достаточно, потому что онѣ такой товаръ, на который можно купить всѣ остальные товары, — который не портится и всегда можетъ пригодиться. Съ этихъ поръ накопленіе сокровищъ, состояній, далеко превосходящихъ потребности ихъ владѣльцевъ, становится задачей жизни имущихъ. Противоположность между богатствомъ и бѣдностью можетъ стать теперь неизмѣримой; такой она и становится вездѣ, гдѣ только являются необходимыя для этого условія.

Этимъ путемъ измѣняются отношенія людей другъ къ другу и все ихъ мышленіе, все существованіе. Предан-

ность обществу, самопожертвованіе были прежде главными добродѣтелями человѣка. Теперь они все болѣе и болѣе исчезаютъ. Каждому — своя рубаха ближе къ тѣлу. Общество распадается на классы, которые озлобленно борются другъ съ другомъ; классы распадутся на отдѣльныхъ лицъ, каждое изъ которыхъ имѣетъ въ виду лишь свою выгоду, старается возможно меньше дать обществу и взять съ него возможно больше. Все слабѣе и слабѣе становятся узы, соединяющія отдѣльныхъ лицъ съ обществомъ и объединяющія само общество; оно погибаетъ или становится добычею какого-нибудь народа, который въ своей отсталости еще сохранилъ коммунистическую доблесть и коммунистическую силу.

Такова исторія всѣхъ націй и государствъ древности.

Можетъ быть, быстрѣе и разительнѣе всего совершался этотъ процессъ развитія въ *Афинахъ*. Періодъ отъ окончанія *персидскихъ войнъ* до покоренія Греціи Филиппомъ Македонскимъ едва обнимаетъ полтора ста лѣтъ (479—338 до начала нашего лѣтосчисленія). Въ началѣ этого періода мы (даже не считая рабовъ, которые все равно не принадлежали къ обществу), конечно, уже находимъ классовыя различія и классовыя противоположности, привилегированныхъ аристократовъ и безправные слои народа, богатыхъ и бѣдныхъ, — но эти противорѣчія не дошли еще до такой степени, чтобы они могли подавить въ свободныхъ людяхъ общій интересъ къ государственной жизни. Въ послѣдней трети этого періода въ Атикѣ рядомъ съ массой рабовъ существовали уже почти исключительно богачи и нищіе.

«Въ прежнія времена», восклицалъ жившій тогда ораторъ Демосѣенъ въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей:—«было иначе, чѣмъ теперь. Тогда все, принадлежавшее государству, было богатымъ и блестящимъ, но среди гражданъ ни одинъ не отличался по внѣшнему виду отъ другого. Еще и теперь каждый изъ васъ можетъ собственными глазами убѣдиться, что жилища Ѡемистокла, Мильтіада и всѣхъ великихъ мужей стараго времени отнюдь не были красивѣе и величественнѣе жилищъ ихъ согражданъ. Но общественныя зданія и памятники, сооруженныя въ ихъ время, были такъ величественны и великолѣпны, что они навѣки останутся непревзойденными: я говорю о пропилеяхъ, объ арсеналѣ, о колоннадахъ, о постройкахъ въ пирейской гавани и другихъ общественныхъ сооруженіяхъ нашего города. А теперь есть государственные люди, частныя жилища которыхъ затмеваютъ своимъ великолѣпіемъ многія общественныя сооруженія, и которые скупили себѣ столь огромныя земли, что поля всѣхъ васъ, засѣдающихъ здѣсь въ качествѣ судей *), не сравнятся по пространству съ ними. За то все, что строится теперь государствомъ, такъ ничтожно и убого, что стыдно и говорить».

Это явленіе можно было наблюдать во всей Греціи, но ярче всего оно сказалось въ Аѣинахъ, такъ какъ Аѣины, благодаря персидскимъ войнамъ, стали самымъ сильнымъ государствомъ Греціи и они спасли греческую

*) Суды (дикастѣріи) въ Аѣинахъ были судами присяжныхъ; каждый изъ нихъ состоялъ изъ пятисотъ присяжныхъ (геліасты).

свободу отъ персидскаго ига лишь затѣмъ, чтобы возложить на грековъ свое собственное иго. Почти все население острововъ и побережья Эгейскаго моря (а также нѣкоторые прибрежные города и острова внѣ его) превратилось въ подданныхъ и данниковъ Аѣинъ; рядомъ съ трудомъ рабовъ и доходами съ цвѣтущей торговли, военная добыча и дань съ подчиненныхъ стали постоянными доходами аѣинскаго населенія, средствомъ къ тому, чтобы еще больше обогащать богатыхъ, а остальныхъ свободныхъ, извлекавшихъ выгоду изъ государственныхъ доходовъ, отучить отъ труда, превратить въ лохмотниковъ, — развратить и разслабить все население. Но онѣ стали также и средствомъ къ тому, чтобы возбудить къ Аѣинамъ крайнюю ненависть во всей Греціи.

Дѣло дошло, наконецъ, до борьбы на жизнь и смерть между все усиливавшимися Аѣинами и еще не подчиненными ими государствами Пелопоннеса, стоявшими подъ водительство Спарты. Но эта борьба не была только войной противъ верховенства Аѣинъ: она была также войной между демократіей и аристократіей. Аѣины были самымъ демократическимъ государствомъ Греціи, Спарта — самымъ аристократическимъ. Во всѣхъ государствахъ, подчиненныхъ Аѣинамъ, терять приходилось, главнымъ образомъ, аристократамъ: ихъ прежде всего грабили, а не народъ. Въ самихъ Аѣинахъ народъ, насколько это было возможно, свалилъ государственныя тяготы на аристократовъ и богачей. Поэтому къ Аѣинамъ особенно сильную ненависть вездѣ питали аристократы и богачи; въ самихъ же Аѣинахъ социальное разложенье, противо-

положность между бѣдными и богатыми достигли такой степени, что аѣинскіе аристократы и богачи сносились и конспирировали съ врагомъ страны, со Спартой. Побѣда Спарты казалась имъ самымъ лучшимъ средствомъ для низверженія владычества народа.

Рѣшительная борьба между Аѣинами и Спартой, такъ-называемая пелопоннесская война, продолжалась около тридцати лѣтъ (431—404) и кончилась полнымъ уничтоженіемъ аѣинскаго могущества. Аѣинское государство было сведено до предѣловъ Аттики и стало зависимымъ отъ Спарты. Мѣсто прежней демократіи заняло правленіе безхарактерныхъ ставленниковъ Спарты.

Это было положеніе, которое въ особенности вызывало на размышленіе, заставляло подумать о причинахъ процвѣтанія и паденія государствъ. Вопросъ о наилучшемъ государственномъ устройствѣ сталъ интересоватъ тогда всѣхъ.

При такихъ историческихъ обстоятельствахъ выросъ Платонъ.

Онъ родился спустя нѣсколько лѣтъ послѣ начала пелопоннесской войны *) въ Аѣинахъ и принадлежалъ къ старому аристократическому роду. И онъ никогда не отрекался отъ своего аристократическаго происхожденія, а постоянно питалъ отвращеніе къ демократіи. Живя въ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, онъ могъ всецѣло предаться развитію своего ума и рано началъ заниматься поэзіей и философіей. Его знакомство съ Со-

*) Годъ его рожденія достовѣрно неизвѣстенъ. Онъ падаетъ на время съ 429 по 427 г. до нашего лѣтосчисленія.

кратомъ,—вѣроятно, на двадцатомъ году его жизни,—имѣло на него рѣшающее вліяніе. Съ этихъ поръ онъ совершенно посвятилъ себя философіи и сталъ самымъ дѣятельнымъ ученикомъ Сократа. Но сократовскій кругъ идей онъ расширилъ самостоятельными занятіями *) и рядомъ путешествій, предпринятыхъ имъ послѣ смерти своего друга и учителя, приведшихъ его въ Египетъ, Кирену, Южную Италію и Сицилію.

*) Большое вліяніе на него имѣли ученія пифагорейцевъ и глубокое изученіе математики.—При этомъ мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Пифагора (род. около 600, ум. около 510 г. до нашего лѣтосч.) часто называютъ коммунистомъ и основателемъ коммунистическаго союза. „Пифагорейцы высшей степени, говоритъ Целлеръ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ греческой философіи:—жили, по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ полной общности имущества по точно установленнымъ правиламъ, которыя они почитали, какъ божественное установленіе; правилами этими, говорятъ, предписывалось, кромѣ исключительно льняныхъ одеждъ, также полное воздержаніе отъ кровавыхъ жертвъ, мясной пищи, отъ бобовъ и нѣкоторыхъ другихъ пищевыхъ средствъ; пифагорейцамъ приписываютъ даже принципъ безбрачія“. „Однако,—говоритъ дальше Целлеръ:—болѣе древніе свидѣтели ничего не знаютъ объ этой общности имущества“—и онъ приходитъ къ такому заключенію: „Совершенно несомнѣнно, что все, рассказываемое позднѣйшими свидѣтелями объ ихъ общности имущества, баснословно“. (Zeller, *Die Philosophie der Griechen*, 3 Aufl., Leipzig 1869, I, стр. 270—279). Мнимый коммунизмъ пифагорейцевъ, во всякомъ случаѣ, позднѣйшее изобрѣтеніе, созданное, конечно, по платоновскому образцу. Никимъ образомъ нельзя сказать, что коммунизмъ Платона заимствованъ у Пифагора.

Въ историческихъ обзорахъ греческаго коммунизма пифагорейскій коммунизмъ обыкновенно занимаетъ мѣсто

Вернувшись изъ своихъ путешествій, онъ сталъ въ Аѳинахъ общественнымъ учителемъ. Но въ послѣдствіи еще два раза онъ прерывалъ свою учительскую дѣятельность, чтобы предпринимать продолжительныя путешествія въ Сицилію.

Причина этихъ путешествій очень характеристична для упадка политической жизни во времена Платона. Платонъ выработалъ систему особыхъ политическихъ принциповъ, о которыхъ мы будемъ говорить дальше, но ему и въ голову не пришло сдѣлать хоть что-нибудь для осуществленія своихъ убѣжденій и взглядовъ посредствомъ участія въ политической жизни.

Это, однако, не значитъ, что его идеи о государствѣ и обществѣ не были рассчитаны на практическое осуществленіе, что онѣ должны были остаться простыми фантазіями.

Въ 368 г. умеръ Діонисій Старшій, тиранъ (самодержецъ) сиракузскій. Сынъ его, Діонисій Младшій, продолжалъ нѣсколько философскихъ аллюровъ и слылъ за реформатора, какъ это, повидимому, издавна велось у наслѣдниковъ престола. Другъ Платона, Діонъ, и шуринъ Діонисія надѣялись склонить этого послѣдняго въ пользу своихъ стремленій; съ такимъ же намѣреніемъ отправился

рядомъ съ платоновскимъ. Намъ здѣсь достаточно указать на сказочный характеръ перваго изъ нихъ. Ср. объ этомъ, кромѣ Целлера, R. Pöhlmann, *Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus*, München, 1893, I, стр. 53 и Drumann, *Die Arbeiter und Kommunisten in Griechenland und Rom*, Königsberg, 1860, § 19.

въ путь и самъ Платонъ, чтобы достичь при посредствѣ тирана того, въ пользу чего онъ палецъ-о-палецъ не ударилъ въ демократическомъ государствѣ,—достичь осуществленія своихъ политическихъ идеаловъ.

Понятно, онъ испыталъ тяжелое разочарование. Діонисій былъ не прочь отъ того, чтобы философы толпились при его дворѣ и увеличивали его блескъ, но они не должны были отравлять ему радостей, какія могутъ доставить вино, женщины и пѣніе. Когда философы стали ему въ тягость, «философъ на престолѣ» просто выгналъ ихъ,—выслалъ. Когда же Платонъ, не умудренный этимъ опытомъ, спустя нѣсколько лѣтъ предпринялъ второе путешествіе къ сиракузскому двору, онъ навлекъ на себя такую ненависть тирана, что долженъ былъ радоваться, что ему удалось спасти свою жизнь и убраться подобру-поздорову.

Этимъ кончилась политическая дѣятельность нашего философа. Учительская же дѣятельность его продолжалась до смерти, застигшей его на 81 году жизни.

II. Книга о государствѣ.

Изъ сочиненій Платона для насъ важно здѣсь лишь одно, *первая дошедшая до насъ философская, систематическая защита коммунизма: «Politeia», книга о государствѣ*, появившаяся, вѣроятно, около 368 г., незадолго до перваго путешествія Платона ко двору Діонисія Младшаго.

Существенную часть содержанія этой книги представляетъ разсмотрѣнiе вопроса: каково наилучшее устройство государства и общества?

Что существующія формы государства и общества плохи, — въ этомъ для Платона не было ни малѣйшаго сомнѣнiя.

Частная собственность, говоритъ онъ, противоположность между богатыми и бѣдными ведетъ къ паденiю государствъ. «Не относятся ли добродѣтель и богатство другъ къ другу такъ, что если бы они лежали на чашкахъ вѣсовъ, то одна изъ нихъ должна была бы опускаться по мѣрѣ того, какъ другая поднимается?.. Слѣдовательно, если въ какомъ-нибудь государствѣ уважаютъ богатство и богатыхъ, то меньше уважаютъ добродѣтель и добродѣтельныхъ... Такое государство обязательно представляетъ собою не одно, а два государства: одно изъ нихъ — составляютъ бѣдные, а другое — богатые; они

живутъ рядомъ, желая зла другъ другу (ἐπιβουλεύοντες)... *) И, въ концѣ концовъ, они (господствующие богачи) не въ состояніи вести войну, потому что они или должны пользоваться массой, которой они, когда эта масса вооружена, страшатся больше, чѣмъ врага, — или они не пользуются ею, являются въ бой съ ничтожной военной силой,—и, сверхъ того, они не хотятъ платить податей, такъ какъ слишкомъ любятъ деньги». Но бѣдныхъ, пролетаріевъ, Платонъ сравниваетъ съ трутнями,—сравненіе очень знаменательное, которое ясно показываетъ намъ различіе между античнымъ и современнымъ пролетаріатомъ. Свободные неимущіе были болышею частью лохмотниками**). Они жили эксплуатаціей государства и богачей, извлекавшихъ свои доходы изъ труда рабовъ и грабежа подчиненныхъ. Но, говоритъ дальше Платонъ, двуногіе трутни отличаются отъ крылатыхъ: не всѣ среди нихъ лишены жалъ. «Изъ трутней, не имѣющихъ жалъ, выходятъ пищіе на всю жизнь, изъ тѣхъ-же, которые вооружены жалами,—мошеники... воры и карманники, и грабители храмовъ, и иные мастера подобныхъ мерзостей». (Книга VIII, гл. 6 и 7).

Государство, въ которомъ среди этого разлада живутъ рядомъ два такихъ государства, обречено на гибель, —

*) Изреченіе о двухъ націяхъ, живущихъ въ государствѣ какъ читатель видитъ, придумано вовсе не Дизраэли; оно существуетъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ.

**) Lumpenproletariat—слово, неудобопереводимое на русскій языкъ; значеніе его достаточно ясно указано въ текстѣ.